

A. C. Гудимовичъ.



Еще два слова о саксонскихъ зданияхъ
на Юрьевскій университетъ.

(Русскій Вѣстникъ. за 1857.

№ 149 и 150.

7 и 8. VII. 1857.)

5A

ESTICA

277.

A 2579

ESTICA

A. 2579.

A2579

Еще два слова о Барменских
взвешиваниях на торжественном ~~и~~ ^и ~~убежденном~~ ^{убежденном}.

Est. A

Составил

А. С. Бугиновский.

Bibliotheca
Universitatis
Dorpatensis
1923-1634.
8802

[Римский Барменский за 1897 год,
№№ 149 и 150, 7 и 8 VII 97, описанного.]

Пира.

Редактор Н. К. Вембурий

Удатель А. В. Шепов.

Мико-митрофанья А. Я. Сироткина в Пире, уроч
Богородица и Микои Приславны уроч, доль Сироткина.

1897.

Еще два слова о балтскихъ взглядахъ на юрьевскій университетъ.

По поводу моей статьи, напечатанной на страницахъ „Рижскаго Вѣстника“ (№№ 90—95), а затѣмъ и отдѣльной брошюрой, подъ заглавiемъ: „Юрьевскій университетъ. Нѣсколько документальныхъ справокъ по содержанию „Отвѣта бывшаго ректора дерптскаго университета ректору юрьевскаго университета“ (Рига, 1897 г.), г. Г. ф. Эттингенъ помѣстилъ въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ отъ 27-го мая с. г. фельетонъ, озаглавленный: „Еще о дерптскомъ и юрьевскомъ университетѣ“. Хотя фельетонъ этотъ, подобно первому (въ № 71 „С.-Петерб. Вѣдомостей“), вызвавшему мои документальныя справки, не включаетъ въ себѣ новыхъ данныхъ или соображенiй по вопросу о преобразованiи „дерптскаго“ университета въ „юрьевскiй“, тѣмъ не менѣе онъ заслуживаетъ нѣкотораго вниманiя, какъ характерный образчикъ балтской полемики, да и вообще балтскаго мiросозерцанiя.

Во введенiи этого фельетона (для краткости будемъ называть его № II) г. Г. ф. Эттингенъ заявляетъ, что представленныя въ моей вышеозначенной статьѣ „обширныя справки, помѣщенныя на 30 страницахъ газетнаго фельетона, болѣе способны

причинахъ убыли числа студентовъ на историко-филологическомъ факультетѣ, и, наконецъ, формулируетъ свое мнѣнiе о задачахъ русскаго попечителя и о значенiи государственной дѣятельности бывшихъ „дерптскихъ“ попечителей ф. Брадке и гр. Кейзерлинга.

Нельзя не замѣтить, что тонъ этого фельетона № II далеко не дышетъ уже тѣмъ крестonosнымъ пыломъ и вызывающей самоувѣренностью, какими проникнуть былъ фельетонъ № I. Тутъ нѣтъ уже ссылокъ на Петра Великаго и другихъ русскихъ государей, якобы завѣщавшихъ „дерптскому“ университету какiя-то коммивояжерскiя обязанности по „обмѣну мыслей и знанiй“ между Россiей и Европой; нѣтъ панегирика уставу 1865 г. и его дѣятелямъ, отъ имени которыхъ и написанъ собственно фельетонъ № I; нѣтъ указанiй на важность въ этомъ университетѣ нѣмецкаго языка и выписки въ его преподаватели заморскихъ нѣмцевъ; нѣтъ напраслинъ противъ новаго университетскаго управленiя по поводу замѣщенiя преподавательскихъ должностей; нѣтъ дифирамба корпорацiямъ и перечисленiя тайныхъ соувѣтниковъ, вышедшихъ изъ „дерптскаго“ университета; нѣтъ, наконецъ, указанiй на „разрушительныя“ якобы „мiропрiятiя“, вызывающiя „крикъ отчаянiя“ со стороны,

затемнить животрепещущій вопросъ, чѣмъ содѣйствовать его разъясненію“. „Это видно-де изъ литературныхъ приемовъ автора, который односторонне толкуетъ мои выраженія, усматриваетъ противорѣчіе тамъ, гдѣ его нѣтъ, а особенно (почему?) изъ того впечатлѣнія, которое произвели его документальныя справки на тотъ кругъ читателей, для котораго онѣ, главнымъ образомъ, написаны“. (Далѣе приведена выдержка изъ передовой статьи „Рижскаго Вѣстника“ № 98 объ упадкѣ юрьевскаго университета въ періодъ времени отъ 1860—90 гг.). „Сказанное,—продолжаетъ г. Г. ф. Эттингенъ,—будетъ оцѣнено по достоинству образованнымъ и беспристрастнымъ читателемъ; опровергать это не стоитъ уже потому, что врядь-ли сами авторы вѣрятъ тому, что писали“... Затѣмъ авторъ фельетона № II еще разъ повторяетъ тезисы фельетона № I, не подкрѣпляя, однако, ихъ никакими новыми доводами, кромѣ цитаты изъ одной рѣчи берлинскаго патолога и антрополога проф. Вирхова, о которой скажу ниже. Далѣе авторъ касается вопроса о причинахъ и значеніи плохой постановки въ „дерптскомъ“ университетѣ институтовъ: ботаническаго, астрономическаго, физиологическаго и фармацевтическаго, останавливается на

„раздраженной и униженной жертвы“, какою, очевидно, считалъ и себя авторъ фельетона № I. Отъ всѣхъ этихъ—довольно обычныхъ въ балтской публицистикѣ—ингредиентовъ полемики довольно основательно вылѣчили, слѣд., автора обихъ фельетоновъ мои „документальныя справки“.

Конечно, на словахъ онъ въ этомъ не сознается, а даже пытается прикрыть свое отступленіе такими „парейскими стрѣлами“, какъ „затемненіе дѣла (моими) справками“, „одностороннее толкованіе (мною) выраженій“ (его), „усматриваніе (мною) противорѣчій тамъ, гдѣ его нѣтъ“, апелляція къ „образованному и беспристрастному читателю“, даже увѣреніе, что моихъ справокъ „опровергать не стоитъ уже потому, что сами авторы (слѣд., и я) не вѣрятъ тому, что писали“. Но понятно, что лишь дѣти, либо невмѣняемые старцы могутъ признать подобныя голословныя фразы—доводами. Читатель критическій непременно спроситъ автора: гдѣ же примѣры того перетолковыванія мною выраженій г. фонъ Эттингена, гдѣ доказательства той литературной mala fides, въ коей онъ считаетъ себя въ правѣ обвинять „авторовъ“, съ которыми полемизируетъ въ фельетонахъ I и II? Эти ли голословныя рекриминаціи должны ститаться образци-

комъ тѣхъ балтскихъ „литературныхъ при-
емовъ“, которые онъ противопоставляетъ
нашимъ, русскимъ?

Впрочемъ, изъ дальнѣйшаго видно, что
самъ г. ф. Эттингенъ не придаетъ серь-
езнаго значенія тому, что пишетъ. Выска-
завъ, напр., увѣренность, что мои справки
или взгляды „не стоятъ опровер-
женія“, онъ тѣмъ не менѣе вслѣдъ за-
симъ переходитъ къ опроверже-
нiю по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ изъ
нихъ, насколько это, вообще, оказалось ему
по силамъ. Въ чемъ-же заключается это
опроверженіе?

Прежде всего авторъ II фельетона по-
вторяетъ тезисы I-го. Ужели въ балтской
аргументаціи повтореніе теоремы счита-
ется доказательствомъ ея? Если
такъ, то это — открытіе въ логикѣ, честь
котораго можетъ, впрочемъ, оспаривать у
г. ф. Эттингена — извѣстный Полоній въ
„Гамлетѣ“...

Впрочемъ, нашему Полонію удалось та-
ки открыть одинъ новый аргументъ для
всѣхъ тезисовъ I-го фельетона: это рѣчь
проф. Вирхова, произнесенная имъ осенью
1896 г. въ одномъ изъ засѣданій берлин-
скаго антропологическаго общества, гдѣ
сдѣлано, между прочимъ, упоминаніе о г.
Юрьевѣ и о юрьевскомъ университетѣ,

се не то поколѣніе „выдающихся дерпт-
скихъ ученыхъ“, за которое нынѣ распи-
нается г. ф. Эттингенъ, а совершенно дру-
гое, именно поколѣніе 40-хъ годовъ, когда
былъ еще юношей Вирховъ, родившійся
13 октября 1821 г.; во 2-хъ, изъ приве-
денной выдержки, а именно изъ дальнѣй-
шихъ словъ рѣчи: Aber es war jetzt sehr
still in Jurjew (балты отсюда могли бы
узнать, какъ ученые нѣмцы называютъ те-
перь этотъ городъ), — es waren ja auch
Ferien. Ich konnte daher nicht Arbeiten se-
hen, sondern nur die leeren Anstalten durch-
wandern... видно, что Вирховъ не могъ
даже и составить себѣ самостоятельнаго
понятія о томъ, каковы нынѣ въ Юрьевѣ
профессоры и студенты, лучше ли они или
хуже прежнихъ, могутъ ли быть названы
„выдающимися“, „прилежными“, „самосто-
ятельно работающими“. Если же, несмотря
на недостатокъ автопсії, т. е. очень суще-
ственный недочетъ въ примѣненіи научна-
го метода — наблюдательно опытнаго, — г.
Вирховъ позволилъ себѣ сдѣлать неблаго-
приятный выводъ о научномъ значеніи и
состояніи преобразуемаго университета, то
онъ могъ руководиться въ этомъ отноше-
ніи единственно увѣреніями своихъ юрьев-
скихъ сисегопе, т. е. нѣмецкихъ профессо-
ровъ и экспрофессоровъ, которые не могли
не воспользоваться случаемъ навязать

посвященномъ этимъ ученымъ въ августѣ 1896 г. послѣ рижскаго археологическаго съѣзда. Вотъ это мѣсто, въ переводѣ г. ф. Эттингена:

„Это былъ тотъ городъ, гдѣ процвѣтала знаменитый нѣмецкій¹⁾ дерптскій университетъ, въ которомъ во все время моего юношескаго развитія (meiner jugendlichen Entwicklung) цѣлый рядъ выдающихся ученыхъ занимался разработкою наукъ, изъ котораго я самъ всегда приобряталъ какъ новые матеріалы для моихъ познаній, такъ и прилежныхъ и самостоятельно работающихъ учениковъ“. Со всѣмъ этимъ сразу покончено²⁾...

Но что слѣдуетъ изъ этихъ словъ Вирхова? Въ 1-хъ, то, что онъ похвалилъ вов-

1) Интересно отмѣтить, что въ нѣмецкомъ текстѣ этой рѣчи, напечатанномъ въ „S.-Petersburger Zeitung“ № 157 (Beiblatt) 6 июня 1897 г. нѣтъ здѣсь слова: deutsche, которое, между тѣмъ, находится въ переводѣ этой же рѣчи въ „Nordlivländische Zeitung“ № 40, 18 февраля 1897 г. Не имѣя подъ руками „Verhandlungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie“ (за 1896 г.), я не могу опредѣлить, какая изъ двухъ редакцій рѣчи Вирхова вѣрнѣе.

2) Въ фельетонѣ № 2 кавычки поставлены не на мѣстѣ, ибо и фраза: „со всѣмъ этимъ сразу покончено“ (das ist alles mit einem Schlage vorüber) принадлежитъ г. Вирхову, какъ это видно изъ № 157 „S.-Petersburger Zeitung“. Въ № 40 „Nordlivländische Zeitung“ эта фраза замѣнена многоточіемъ.

свои предвзятые взгляды знаменитому, но, очевидно, слишкомъ довѣрчивому, иностранцу.

Мои документальныя доказательства крайней запущенности многихъ университетскихъ институтъ, при переходѣ послѣднихъ изъ рукъ нѣмецкихъ въ русскія, г. ф. Эттингенъ пытается — не опровергнуть (на это онъ не рѣшается), а ослабить нѣкоторыми оговорками, мало впрочемъ убѣдительными для мало-мальски критическаго читателя. Такъ, не отрицая установленнаго мною факта, что юрьевскіе астрономическая обсерваторія и ботаническій садъ въ послѣднія десятилѣтія „бѣдствовали отъ недостатка средствъ“, авторъ фельетона № II замѣчаетъ, что этотъ садъ „по своей обширности казался болѣе предметомъ роскоши, чѣмъ необходимымъ средствомъ для преподаванія, успѣхъ котораго основывается не столько на систематикѣ, сколько на разработкѣ анатоміи и физиологіи растений“; и что обсерваторія „вообще не принадлежитъ къ необходимымъ учебнымъ пособиямъ университета“, какъ это доказывается де отсутствіемъ ея въ гейдельбергскомъ, напр., университетѣ. Предоставляя специалистамъ ботаники и астрономіи рѣшеніе вопроса о томъ, насколько

необходимы для полноты, наглядности и научности университетскаго преподаванія по этимъ наукамъ ботаническій садъ и астрономическая обсерваторія (каковая, кстати, имѣется нынѣ и въ Гейдельбергѣ и находится въ завѣдываніи проф. М. Вольфа, какъ это показано и въ „Minerva“ за 1896 г.), я позволю себѣ напомнить, что именно астрономическая обсерваторія и ботаническій садъ въ значительной степени опредѣляли научную извѣстность „дерптскаго“ университета въ прежнія десятилѣтія, и что, слѣдов., поддержаніе этихъ учреждений на должномъ уровнѣ лежало на обязанности дѣятелей 60-хъ и слѣд. годовъ. Между тѣмъ, они запустили до крайности не только „Пальмовыя и другія оранжереи для декоративныхъ и экзотическихъ растений“, не только „большой рефракторъ“ В. Струве, но и чисто учебные отдѣлы обоихъ учреждений, напр. ботаническій кабинетъ для признаваемой и г. ф. Эттингеномъ необходимою разработки анатоміи и физиологіи растений (это показано на стр. 25 моей брошюры), коллекцію пособій для преподаванія практической астрономіи (тамъ же, стр. 22), всю новѣйшую литературу послѣдняго предмета (стр. 24) и т. д. При столь печальномъ или, какъ выражается авторъ фельетона № II, „плачевномъ“

Еще два слова о балтскихъ взглядахъ на юрьевскій университетъ.

(Ожюваніе, см. № 149).

Научная слава профессоровъ К. Шмидта, Биддера, А. Шмидта, К. Драгендорфа, приобрѣтенная ими главнымъ образомъ въ прежнія десятилѣтія, вовсе не опровергается представленными мною документальными указаніями на плохую постановку институтовъ физиологическаго и фармацевтическаго при переходѣ ихъ въ завѣдываніе русскихъ профессоровъ. Равнымъ образомъ не опровергають этихъ документовъ и до сужія разсужденія г. ф. Эттингена о томъ, что-де „дѣль университетскаго преподаванія достигнута, если преподаватель умѣлъ возбудить въ своихъ слушателяхъ любовь и интересъ къ наукѣ и приучить ихъ къ самостоятельной работѣ“..., ибо, „приучившись разъ къ самостоятельной работѣ, студентъ, окончившій курсъ (значить, врачъ, учитель, чиновникъ), уже будетъ-де въ состояніи дополнить свои знанія собственнымъ трудомъ“... Полагаю, что этого рода надежда или увѣренность была-бы плохимъ утѣшеніемъ для г. ф. Эттингена, еслибы ему — положимъ — въ случаѣ болѣзни при-

необходимы для полноты, наглядности и научности университетского преподавания по этим наукам ботанической садъ и астрономическая обсерваторія (каковая, встати, имѣется нынѣ и въ Гейдельбергѣ и находится въ завѣдываніи проф. М. Вольфа, какъ это показано и въ „Minerva“ за 1896 г.), я позволю себѣ напомнить, что именно астрономическая обсерваторія и ботанической садъ въ значительной степени опредѣляли научную извѣстность „дерптскаго“ университета въ прежнія десятилѣтія, и что, слѣдов., поддержаніе этихъ учреждений на должномъ уровнѣ лежало на обязанности дѣятелей 60-хъ и слѣд. годовъ. Между тѣмъ, они запустили до крайности не только „Пальмовыя и другія оранжереи для декоративныхъ и экзотическихъ растений“, не только „большой рефракторъ“ В. Струве, но и чисто учебные отдѣлы обоихъ учреждений, напр. ботанической кабинетъ для признаваемой и г. ф. Эттингеномъ необходимою разработки анатоміи и физиологии растений (это показано на стр. 25 моей брошюры), коллекцію пособій для преподаванія практической астрономіи (тамъ же, стр. 22), всю новѣйшую литературу послѣдняго предмета (стр. 24) и т. д. При столь печальномъ или, какъ выражается авторъ фельетона № II, „плачевномъ“ состояніи

Еще два слова о балтскихъ взглядахъ на юрьевскій университетъ.

(Оковчаніе, см. № 149).

Научная слава профессоровъ К. Шмидта, Биддера, А. Шмидта, К. Драгендорфа, приобрѣтенная ими главнымъ образомъ въ прежнія десятилѣтія, вовсе не опровергается представленныхъ мною документальныхъ указаній на плохую постановку институтовъ физиологическаго и фармацевтическаго при переходѣ ихъ въ завѣдываніе русскихъ профессоровъ. Равнымъ образомъ не опровергаютъ этихъ документовъ и доусужія разсужденія г. ф. Эттингена о томъ, что-де „дѣль университетскаго преподаванія достигнута, если преподаватель умѣлъ возбудить въ своихъ слушателяхъ любовь и интересъ къ наукѣ и приучить ихъ къ самостоятельной работѣ“..., ибо, „приучившись разъ къ самостоятельной работѣ, студентъ, окончившій курсъ (значить, врачъ, учитель, чиновникъ), уже будетъ-де въ состояніи дополнить свои знанія собственными трудомъ“... Полагаю, что этого рода надежда или увѣренность была-бы плохимъ утѣшеніемъ для г. ф. Эттингена, еслибы ему — положимъ — въ случаѣ болѣзни при-

и ботаническаго сада, и ботаническаго кабинета много ли пользы могла принести слушателямъ проф. Руссова „европейская известность“ его по физиологii растений?

Правда, что въ послѣднія десятилѣтiя правительство не разъ отказывало юрьевскому университету въ испрашиваемыхъ кредитахъ на обновленiе инструментовъ его обсерваторiи и вообще на подъемъ этого обветшалаго учрежденiя.

Но не играло-ли здѣсь роли и то обстоятельство, что обсерваторiя эта уже въ 40-хъ и 50-хъ годахъ не могла должнымъ образомъ утилизировать тотъ кредитъ въ 8,000 р. асс., какой по ходатайству В. Струве былъ назначенъ ей Императоромъ Николаемъ I указомъ 12 апрѣля 1832 г. „на содержанiе оной въ дѣйствиiи сообразно съ ходомъ науки“? При распредѣленii въ 1872 г. суммы, назначенной по штату 1865 года на учебновспомогательныя учрежденiя, на обсерваторiю совѣтъ отвелъ всего 1,150 рублей, что и было причиною окончательнаго ея упадка въ послѣднiя десятилѣтiя.

А. Будиловичъ.

(Окончанiе будетъ).

шлось обратиться къ одному изъ такихъ бывшихъ студентовъ-медиковъ за врачебной помощью и убѣдиться на себѣ, что этотъ врачъ съ интересомъ изучалъ, напр., „важные и трудные вопросы ученiя о крови“, а объ остальномъ узнаеть лишь впоследствии, „собственнымъ трудомъ“ или — върябѣ — горькимъ опытомъ, продѣланнымъ на бокахъ его злополучныхъ пациентовъ!...

Къ тому же, имѣеть ли право бросать кому-то упрекъ въ „школьныхъ прiемахъ“ „вдалбливанiя въ голову студентовъ заданныхъ уроковъ“ панегиристъ той медицинской школы, которая сама заявила въ факультетскомъ донесенiи отъ 21 декабря 1891 г. (см. мою брошюру, стр. 19), что, вслѣдствие плохой постановки юрьевскихъ медицинскихъ институтовъ, она считаетъ необходимымъ отдавать на медицинскихъ испытанiяхъ предпочтенiе теоретическимъ познанiямъ!...

Сображенiя г. ф. Эттингена о причинахъ убыли числа студентовъ на юрьевскомъ историко-филологическомъ факультетѣ въ общемъ не противорѣчатъ тому, что сказано объ этомъ на стр. 38 и сл. моей брошюры. Гораздо интереснѣе было бы получить отъ автора фельетона № II разъясненiе констатированнаго въ моей брошю-

Рис. Двѣсти. № 149, 7 VII 97.

рѣ (стр. 40) факта, что и на богословскомъ факультетѣ юрьевскаго университета, нимало не затронутымъ „русификацій“, число студентовъ понизилось въ той же пропорціи, какъ и на прочихъ факультетахъ, а именно на 35%, считая съ 1890 по 96 г.

Весьма своеобразные взгляды высказываетъ г. ф. Эттингенъ относительно „главной обязанности“ русскаго попечителя. Она заключается вовсе не въ томъ, чтобы пецись объ интересахъ народнаго просвѣщенія во вѣренномъ ему округѣ, а въ томъ, чтобы „прежде всего познакомиться съ мѣстными потребностями края и при каждой мѣрѣ центрального правительства... сообразить, какъ отзовется эта мѣра на мѣстныхъ нуждахъ и условіяхъ края“. Если, слѣдов., „централизирующія и нивеллирующія стремленія министерства“ окажутся въ противорѣчій съ тѣмъ, что г. ф. Эттингенъ называетъ „мѣстными потребностями“, но что вѣрнѣе бы назвать германизаторскими тенденціями прибалтійской знати, пасторовъ и части бюргеровъ (т. наз. „литератовъ“), то русскій попечитель обязанъ, по этой теоріи, возстать противъ первыхъ во имя послѣднихъ, притомъ, очевидно, не въ представленіяхъ лишь высшему началь-

верситета въ „юрьевскій“, опираясь, при этомъ, во 1., на „мѣстныя потребности“ германизаторовъ, а во 2., на „волю Самодержавнаго Монарха“, назвавшего въ упомянутой грамотѣ учрежденный „на вѣчныя времена“ университетъ „дерптскимъ“?..

Слѣдуетъ, впрочемъ, отмѣтить, что гр. Кейзерлингъ не вполне держался рецептовъ г. ф. Эттингена: въ упомянутомъ, напримѣръ, предложеніи совѣту отъ 3 авг. 1863 г. онъ мотивировалъ свое предпочтеніе къ отдѣльному уставу и штату юрьевскаго университета вовсе не „мѣстными потребностями“ и не „волею“ Александра I, а прямо желаніемъ въ Юрьевѣ „еще тѣснѣе примкнуть къ учрежденіямъ, которыя съ такимъ необыкновеннымъ успѣхомъ господствуютъ въ германскихъ университетахъ“, другими словами, онъ мотивировалъ этотъ сепаратизмъ — маніей германизации. Благодаря лишь этой маніи попечителя, могло тогда и въ юрьевскомъ университетѣ утвердиться то политиканство, болѣе того, — то мятежное настроеніе, коноводомъ котораго былъ проф. Ширренъ и которое вскорѣ привело правительство къ рѣшенію уволить какъ этого профессора, такъ и его патрона-попечителя, конечно, по прошенію. Что касается личной чести и лояльности гр.

комиссии, учрежденной въ 1861 г. для выработки общаго устава русскихъ университетовъ, со включеніемъ юрьевскаго, — занять несогласное съ видами правительства сепаратистическое положеніе, что и было одною изъ причинъ выработки для него злополучнаго сепаратнаго устава и штата 1865 г. Г. ф. Эттингенъ, не отрицая участія г. ф. Брадке въ составленіи и изданіи (уже послѣ его смерти) этого устава, старается прикрыть отвѣтственность балтовъ за этотъ жалкій продуктъ „мѣстной“ политики именемъ русскаго Государя, утвердившаго уставъ и штатъ 1865 г. Но изъ исторіи послѣдняго достаточно извѣстно, что не центральное правительство, а именно — балты, подъ руководствомъ попечителей ф. Брадке и гр. Кейзерлинга, выработали этотъ отсталый уставъ и нищенскій штатъ, слѣдов. на нихъ падаетъ и отвѣтственность за упадокъ университета, обусловленный этими актами. Само собою понятно, что и подъемъ юрьевскаго университета изъ развалинъ, оставленныхъ ему въ наслѣдіе университетомъ „дерптскимъ“, не можетъ быть совершенъ однимъ измѣненіемъ личнаго состава и языка преподаванія, а непременно предполагаетъ устраненіе и бюд-

можности подготовить своихъ слушателей къ испытаніямъ въ медицинской государственной комиссії, въ виду неудовлетворительной постановки многихъ его кафедръ и институтовъ; противъ данныхъ о значительныхъ недочетахъ въ числѣ то кафедръ, то институтовъ и по другимъ факультетамъ дореформеннаго университета; противъ образовательнаго ценза новоназначенныхъ профессоровъ юрьевскаго университета, по сравненію съ прежними, избранными совѣтомъ онаго; противъ данныхъ о причинахъ накопленія въ этомъ университетѣ непомерно большого числа студентовъ въ 80-ые годы и постепенной ихъ убыли въ 90-ые годы, между прочимъ, и на богословскомъ факультетѣ, вовсе не затронутымъ „руссификаціей“; противъ соображеній объ отживающемъ значеніи корпорацій и постепенной замѣнѣ ихъ другими формами студенческаго общежитія; противъ данныхъ о многихъ дѣйствительныхъ улучшеніяхъ въ послѣдніе годы въ постановкѣ преподаванія и учебновспомогательныхъ учрежденій; наконецъ, противъ указаній на очень осторожный и даже слишкомъ медленный ходъ реформы юрьевскаго университета, по сравненію, напр., съ анало-

жетной причины этого упадка, заключающейся въ уставѣ и штатѣ 1865 г., съ примѣненіемъ къ нему общаго устава и соотвѣтственнаго штата прочихъ русскихъ университетовъ.

Взвѣсивъ по достоинству сказанное въ фельетонѣ № II, я не могу въ заключение не коснуться и того, о чемъ умолчалъ г. ф. Эттингенъ въ отвѣтѣ на мои „документальныя справки“, вѣрность и неопровержимость чего онъ, слѣдов., вынужденъ былъ признать въ формѣ этого знаменательнаго умолчанія. Оказалось, что онъ ничего не въ состояніи возразить противъ моихъ соображеній о національно-политическихъ мотивахъ изданія въ 1863—65 гг. для юрьевскаго университета особаго устава и штата; противъ данныхъ о научной отсталости, неполнотѣ, негодности этихъ элаборатовъ, доказанной собственнымъ сознаниемъ совѣтскихъ дѣятелей того времени; противъ жалобъ А. Шмидта въ 1874 г. на произведенное этимъ уставомъ низведеніе юрьевскаго университета въ заведеніе второразрядное; противъ указаній его же и другихъ членовъ совѣта на вызванный этимъ уставомъ exodus лучшихъ профессоровъ въ 70-ые годы; противъ заявленной медицинскимъ факультетомъ дореформеннаго университета (въ 1891 г.) невоз-

можнымъ преобразованиемъ университетовъ варшавскаго или страсбургскаго. Оставивъ безъ какихъ бы то ни было возраженій всѣ эти соображенія, данныя, указанія, г. ф. Эттингенъ этимъ самымъ подписался и подъ выводомъ изъ нихъ, относительно крайне неудовлетворительной постановки учебнаго дѣла въ дореформенномъ университетѣ и постепеннаго его подъема въ университетѣ преобразуемомъ. Во всякомъ случаѣ, г. ф. Эттингенъ не представилъ въ обоихъ своихъ фельетонахъ никакихъ доводовъ, которые могли бы поколебать убѣжденіе, что реформа юрьевскаго университета была еще необходимѣе и своевременнѣе по причинамъ научно-педагогическимъ, чѣмъ по соображеніямъ народно-государственнымъ. Окончательное разъясненіе этой истины слѣдуетъ ожидать отъ исторіи этого университета или матеріаловъ для нея, обнаруженіе которыхъ предположено въ виду предстоящаго 12-го декабря 1902 г. столѣтняго его юбилея.

А. Будиловичъ.

Полангенъ.
2 іюля 1897 г.

Гисс. Ант. № 150, 8 VII 97.